мальную гибкость и терпимость — церковное управление разрешало жить монастырю и по старому стилю, и по традиционной Пасхалии, выдало виды на жительство отказавшимся от гражданства монахам, платило им пенсию и т. п. Одновременно мы чувствуем специфику самосознания представителей финляндского православия, которые, будучи твердо укорененными в православии, не менее твердо отстаивали финляндский характер православной структуры в стране. Понятно, что стратегический расчет в отношении монастырей сводился к тому, чтобы дать спокойно умереть представителям старого русского монашества, а за Финской церковью сохранить монастырские владения.

Из анализируемой монографии мы ясно видим — и то же самое показывают и помещенные в этом выпуске журнала исследования, — что невозможно говорить о «чистых» национальных конструктах и «чистых» же религиозных составляющих в них; при этом религиозный/конфессиональный/юрисдикционный фактор постоянно присутствовал в различных общественно-политических и национальных проектах.

Н. Белякова

Rimestad, Sebastian. (2012) *The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia (1917–1940).* Frankfurt am Main: Peter Lang. — 334 p.

История Православной церкви в Эстонии вызывает интерес у многих исследователей. Эстонский случай во многих отношениях уникален: православие стало здесь религией значительного меньшинства местного населения в середине XIX века в результате целого движения по обращению, которое было добровольным и в основном имело экономическую мотивацию[1]. В 1920-е годы Эстонская православная церковь, стремясь к автокефалии, разорвала отношения со своей российской матерью-церковью и в 1923 году вошла в каноническую юрисдикцию Вселенского (Константинопольского) патриархата. Эта перемена юрисдикции позднее при-

1. Об истории этого движения по обращению в Эстонии и в Латвии см.: *Гаврилин А. В.* Очерки истории Рижской епархии. 19 век. Филокалия, 1999; Ryan, D. C. (2008) *The Tsar's Faith: Conversion, Religious Politics, and Peasant Protest in Imperial Russia's Baltic Provinces, 1845–1870s* (неопубликованная PhD диссертация. University of California LA, 2008).

вела к расколу в местной церкви, сначала в 1942 году, а затем снова в 1993–1996 гг. В настоящее время Православная церковь в Эстонии остается разделенной на две церковные организации: одна — в юрисдикции Московского патриархата, а другая — в юрисдикции Константинопольского патриархата.

История Православной церкви в Латвии исследована в меньшей степени[2]. Этот случай отличается от эстонского: хотя движение по обращению в православие имело место и на территории Латвии, в 1920-е годы Латвийская церковь сохранила свою верность Москве и перешла в константинопольскую юрисдикцию только в 1935 году под давлением латвийского правительства. Несмотря на то что в 1942 году здесь также наблюдалось противостояние сторонников двух патриархатов, попытки воссоздать две юрисдикции в 1990-е годы, после обретения Латвией независимости, не увенчались успехом, и сегодня Латвийская православная церковь сохраняет единство в рамках Московского патриархата. Возможно, отсутствие религиозного разделения является одной из причин того, почему Латвийская церковь не привлекла особого внимания со стороны исследователей современной истории, политики и религии.

Большинство работ, посвященных истории Православной церкви в Эстонии и Латвии в XX веке, написаны апологетами той или иной церковной юрисдикции и поэтому являются открыто или скрыто пристрастными[3]. Это в особенности относится ко многим работам, написанным на эстонском, латышском и русском языках, хотя и среди последних появляются тексты, отвечающие критериям беспристрастного научного подхода. Однако многие незаинтересованные зарубежные ученые не могут в данном случае внести свой вклад по причине незнания языков, ибо, не владея эстонским или латышским, практически невозможно написать

2. Краткий обзор истории Латвийской православной церкви с особым акцентом на последние тридцать лет был опубликован лишь в самое последнее время: Runce, I., Avanesova, J. (2014) «The Latvian Orthodox Church», in *Eastern Christianity and Politics in the Twenty-First Century*, pp. 370–386. Routledge.

3. Среди таких работ есть и книги видных авторов, которые, к сожалению, дают одностороннюю интерпретацию тех событий в церковной истории Прибалтики, которые вызывают споры. См.: *Алексий II, патриарх*. Православие в Эстонии. М.: Православная энциклопедия, 1999; Papathomas, G., Palli, M. (eds) (2002) *The Autonomous Orthodox Church of Estonia*. Éditions Épektasis; *Прекуп И.* Православие в Эстонии. Краткий исторический очерк. Таллинн, 1998.

сбалансированное исследование по церковной истории XX века.

Себастьян Римештад из университета Эрфурта (Германия) стал в последние годы наиболее известным исследователем, пишущим на английском и немецком языках об истории Православной церкви в Эстонии и Латвии в межвоенный период. Его последние статьи на эту тему посвящены более позднему времени, но межвоенный период остается в центре его внимания[4]. В отличие от многих других зарубежных ученых Римештад свободно читает, пишет и говорит как на эстонском, так и на латышском, а поэтому без труда использует местные исторические источники. Его монография «Православная церковь в Эстонии и Латвии перед вызовами современности (1917–1940)» представляет собой печатную версию докторской диссертации (2011).

Анализируя и сравнивая историю Православных церквей в этих странах Балтии, Римештад прежде всего рассматривает ее в контексте современности, стремясь увидеть, как эти церкви отвечали на ее вызовы. Книга открывается пространной вступительной главой, посвященной теоретической базе исследования, в которой автор пишет об основных характеристиках современности и приводит несколько примеров того, как современность оказывала влияние на Православные церкви в России и на Балканах. Далее автор рассматривает три главных вызова, которые становятся исследовательскими темами: отношения государства и церкви после образования современных национальных государств в Эстонии и Латвии; проблема формирования устойчивых эстонской и латвийской православных идентичностей; место Православной церкви в эстонской и латвийской историографии межвоенного периода. Говоря кратко, Римештада интересует, как политические изменения и формирование национальной идентичности влияли на существование и (само) восприятие православных общин в Эстонии и Латвии.

Автор начинает с 1917 года, который имел большое значение не только для политической жизни, но и для церковной: Февральская революция привела к автономии Эстонии в рамках Российской республики, а эта автономия, в свою очередь, по-

4. См., например: Rimestad, S. (2014) «Orthodox churches in Estonia», in *Eastern Christianity and Politics in the Twenty-First Century*, pp. 295–311. Routledge; Rimestad, S. (2014) «Moskau oder Konstantinopel? Die orthodoxe Kirche Estlands nach dem Zusammenbruch des Zarenreiches», in *Loyalität, Legitimität, Legalität. Zerfalls-, Separations- und Souveränisierungsprozesse in Ostmittel- und Osteuropa 1914–1921*, ss. 210–219. Wiesbaden.

будила эстонское и латвийское духовенство требовать разделения Рижской и Митавской епархий на две отдельные епархии в рамках Российской православной церкви. Местное духовенство было также вдохновлено реформами Всероссийского Поместного собора 1917 года. В конце этого года был рукоположен первый епископ-эстонец: протоиерей Павел Кульбуш (1869–1919) стал викарным епископом Ревельским (Таллинским) с именем Платон. Римештад заканчивает свое повествование 1940 годом, поскольку в это время обе страны утратили свою независимость. В условиях советского и германского правления Православные церкви оказались в новой ситуации: хотя тоталитарные режимы также являются современными феноменами, они бросают совсем иные вызовы по сравнению с вызовами национального государства в период после Первой мировой войны[5].

Книга состоит из четырех глав. Осветив теоретические вопросы в первой главе, во второй автор переходит к институциональной истории Эстонской и Латвийской церквей. Он начинает с краткого введения, посвященного более ранней истории православия в Прибалтике и обзору политической и демографической ситуации в начале рассматриваемого периода. В разделе 2.2 говорится о формировании новых церковных структур в 1920-е годы, включая спорный переход Эстонской церкви из московской юрисдикции в константинопольскую. В разделе 2.3 речь идет о 1930-х годах, которые были отмечены серией кризисов и споров в обеих странах. Наиболее важные среди них — это борьба за контроль над Печерским монастырем в Эстонии в 1932–1934 гг., а также убийство архиепископа Иоанна (Поммера) в Латвии в 1934 году, которое привело к такой же смене юрисдикции, какая имела место в Эстонии в 1923 году.

Третья глава посвящена вопросам православной идентичности в Эстонии и Латвии. В центре внимания автора — существенные различия между тремя главными этническими православными общинами в регионе: эстонцами, латышами и русскими. Не секрет, что многие конфликты в рассматриваемых православных церквах имели явную этническую подоплеку и часто были следствием различного понимания того, что значит быть православным христианином. Эстонцы и латыши века-

5. См. хорошее исследование вызовов, с которыми имела дело Православная церковь в Эстонии в ранний советский период: Sychov, A. (2007) «Estonian Orthodox Eparchy under the Totalitarian Regime of Joseph Stalin, 1945–1953», in *Beiträge zur Ostdeutschen Kirchengeschichte*, pp. 130–139.

ми жили в сфере влияния лютеранской культуры и духовности. В первой половине XX века лютеранство все больше воспринималось большинством эстонцев и многими латышами как маркер национальной идентичности, так же как русскими — православие. В попытках ответить на вопрос, что значит быть истинным эстонцем/латышом и православным, местные версии православия становились значительно более «лютеранизированы», чем русское православие. Отказ русских православных общин следовать этим изменениям приводил к недоразумениям и конфликтам. Римештад рассматривает эти столкновения в контексте встречи современного и досовременного. Говоря о местных православных идентичностях, он сосредотачивается на трех пунктах: язык богослужения, реформы в церковной музыке и принятие (григорианского) календаря.

В четвертой главе Римештад показывает, как Православная церковь изображалась в прибалтийской, немецкой и русской историографии до образования национальных государств и как ее образ менялся в национальной историографии Эстонии и Латвии межвоенного периода. Он рассматривает как научную, так и популярную историографию. Если в тех немногих текстах, которые писали в межвоенный период профессиональные историки, была сделана попытка преодолеть острую поляризацию интерпретаций истории Православной церкви в Прибалтике, то в популярной историографии эта поляризация продолжала воспроизводиться — со стороны как лютеранских, так и православных авторов. За четвертой главой следуют заключительные замечания и несколько приложений, наиболее интересные из которых — краткие биографии основных деятелей и сравнительная хронология событий в двух рассматриваемых странах.

В настоящее время книга Римештада является наиболее полным и достоверным исследованием истории Эстонской и Латвийской православных церквей межвоенного периода. Единственным недостатком книги с церковно-исторической точки зрения является почти полное отсутствие среди источников архивных материалов (см. p. 297). Однако это в каком-то смысле осознанный пробел, так как своей главной задачей автор ставил не новые исторические открытия, а сбор, систематизацию и анализ с точки зрения вызовов современности уже опубликованных материалов. Поскольку он стремился осветить историю в двух странах, он был вынужден использовать далеко не всю имеющуюся информацию. При этом для достижения своей цели он привлек значительное число православных перио-

дических изданий межвоенного периода, в которых публиковалось большинство важных документов, касающихся церковной жизни, а именно церковных уставов, протоколов и решений церковных соборов, постановлений предстоятелей церкви. В то же время весьма вероятно, что в архивах Эстонии и Латвии можно найти новую и неожиданную информацию, которая прольет новый свет на события, освещаемые в рассматриваемой книге.

Т. Швак

Namli, E., Svenungsson, J. and Vincent, A. M. (eds) (2014) *Jewish Thought, Utopia, and Revolution*. Amsterdam: Rodopi, 2014. — 211 p.

Сразу же возникает вопрос: почему редакторы этой книги решили снова обратиться к проблематике «утопии» и «революции» в еврейской мысли XX века? Ведь эти понятия были подробно описаны и проанализированы целым поколением ученых и мыслителей, среди которых Вальтер Беньямин, Эрнст Блох и Густав Ландауэр. Тем не менее сборник «Еврейская мысль, утопия и революция» доказывает нам, что эти вопросы еще далеко не исчерпаны. В этой книге есть не только глубокие и тонкие эссе о хорошо известных фигурах; книга дает новую перспективу изучения еврейской мысли, и, возможно, в этом и заключается ее главная ценность. Наиболее яркие страницы книги показывают, что авторы осознают всю ту сложнейшую динамику, которая пронизывает еврейскую мысль первой половины XX века. Во-первых, авторы переключают внимание с германоговорящих стран, мыслители которых всегда были в фокусе исследователей, на страну, находившуюся в процессе революционных преобразований; во-вторых, переживание опыта ссылки, изгнания и эмиграции рассматривается в качестве особого контекста формирования мысли.

Когда люди перемещаются, по своей или по чужой воле, неизбежно меняются их взгляды. Эта кажущаяся очевидной идея лежит в основе одной из самых интересных статей сборника. Елена Намли описывает жизнь и творчество Матвея Кагана (1889–1937), который работал с Михаилом Бахтиным в Невеле и Витебске. До того как присоединиться к кружку Бахтина, Каган изучал философию в Берлине и Марбурге. Его наставником был известный еврейский неокантианец Герман Коген. В своей статье Намли описывает, как